

Е.П. Педчак

«Дума»

Стихотворение «Дума» прозвучало реквиемом, похоронной песнью потерянному поколению.

Трусость выдвигается причиной рабства, а рабство — следствием бездействия. Беспощадный анализ в «Думе» распространяется и вширь и вглубь — на поколение и на поэта.

В стихотворении «Дума» монологическое размышление лирического героя адресовано всему поколению.

Сознание горькой судьбы поколения пронизывает стихотворение от начала до конца, лишь варьируясь в поворотах единой мысли, которая не опровергается, а сохраняет устойчивый характер.

«Дума» — одно из таких стихотворений, в которых скептическая и сомневающаяся мысль дворянского интеллигента выливается непосредственно и открыто, минуя сюжетные и изобразительные формы. Скепсис и отчаяние связаны с бездейтельностью и общественной трусостью, с оторванностью от конкретной борьбы. Они появляются в эпохи, когда высокое индивидуальное сознание мечется в поисках достойной жизни, но не находит ее. В такие эпохи мысль становится мучением и единственной реальной силой, способной возратить живого человека к деятельности и борьбе.

Общественное сознание в это время принимает активную форму, выступая как сомнение и отрицание.

Через сомнение и отрицание мыслящее общество научилось трезво глядеть на жизнь и преодолевать противоречия своего сознания. Рефлексия, самоанализ, сомнение и отрицание были особой специфической формой неприятия процветавшей реакции, являлись одной из форм общественного протеста. Открытое и беспощадное отрицание обращено и на внешний по отношению к дворянскому интеллигенту мир, и во внутренний мир души. Своим острием отрицающая мысль направлена против невыносимого духовного пресса официальной идеологии. Но разрушительные идеи очень скоро обнаружили внутреннюю противоречивость. Лишенное возможности действовать, поколение осталось в сфере абстрактного умозрения, было обречено на бездействие.

Все это вызывает недовольство дворянского интеллигента самим собой и заставляет его пристально взглянуть в собственную душу, чтобы найти в ней разгадку обуревающих его противоречивых дум и настроений. У Лермонтова вражда к абстрактному умозрению столь же велика, как и к «бездействию»:

Меж тем под бременем познания и сомненья

В бездействии состарится оно.

...

Мы иссушили ум наукою бесплодной...

Столь же «бесполезно» «чувство», если оно замкнуто в душе, не окрашивает общественный поступок,

В сознании поколения 1830-х годов все оказалось перевернутым и переосмысленным: «лучшие надежды», «голос благородный... страстей», «остаток чувства» стали призраками. Идеи же отрицательные — разочарование, безверие, ирония, сомнение — явились подлинными социальными чувствами поколения. Весь тон лермонтовской «Думы» воспроизводит эмоцию «социального отчаяния», охватившую и современников поэта, и его самого. Эта эмоция — ключ к разгадке смысла и поэтики стихотворения. Современники были потрясены глубоко личным тоном стихотворения.

Уместно напомнить, что подобная форма «разговора» с современниками была свойственна в 1830-е годы Баратынскому, Белинскому, Герцену, Чаадаеву. Сознание поколения вскрывалось изнутри. Это придавало словам истинность, подлинность, которые способен только сообщить человек, испытывающий те же чувства, что и его современники.

Внутри единой и цельной поэтической мысли живет напряженный конфликт между «логикой» и эмоцией, между холодным рационализмом рассудка и страстной взволнованностью, конфликт, о котором сказано в лермонтовских же стихах:

И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

Такой принцип обнажения и развития поэтической мысли приводит к противоречию между смысловой законченностью фразы, четверостишия, части и эмоциональной выделенностью отдельного слова. Каждая фраза, каждая часть «логически» завершены. С этим связано стремление к емким и выразительным поэтическим формулам, к афористичности («печально я гляжу на наше поколенье!», «к добру и злу постыдно равнодушны...»), «перед опасностью позорно-малодушны, и перед властью — презренные рабы», «и ненавидим мы, и любим мы случайно...», «и царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови»). Но каждая законченная в смысловом и интонационном отношении часть не вмещает всей авторской эмоции, которая как бы разрывает логические рамки. Каждое четверостишие в «Думе» — законченное предложение, но между собой эти предложения объединены не только темой, но, главным образом, внутренним эмоциональным строем.

Высота нравственного чувства в «Думе» затаена и непосредственно не высказана, тогда как трезвая отрицающая мысль выражена ясно и прямо.

На фоне противоречивого единства мысли и чувства отдельное слово выступает в оттенках ведущего значения, которые несут основную смысловую нагрузку. Например, слово «состарится» («в бездействии состарится оно») означает не столько наступление реальной старости (физической), сколько старости духовной. Точно так же «ровный путь без цели» — не ровная, гладкая дорога, а эмоциональный знак равнодушия, апатии, отсутствия жизненных тревог, взлетов и падений. Слово «случайно» в контексте «Думы» почти лишено прямого смысла. «Случайно» означает здесь («и ненавидим мы, и любим мы случайно...») «общественно не обусловлено». «Случайность», то есть общественная необязательность, «любви» и «ненависти» символизирует утрату идеалов, жизненных и нравственных критериев.

Так, не раз встречавшиеся в произведениях романтиков «поэтизмы» и метафоры («старость души», «жизнь — путь») наполняются в контексте стихотворения иным эмоционально-смысловым содержанием.

Поэтическая мысль стихотворения реализуется во внутреннем эстетическом движении от элегической интонации печального размышления к мрачному, трагическому обобщению, от высокой романтической ноты к скорбной и горькой иронии.

Основную эмоционально-смысловую нагрузку в первой части несут слова, освященные традицией элегического романтизма: «печально», «состарится», «томит», «вянем». Другой стилистический пласт — слова философского и отчасти общественно-политического содержания: «познания», «сомнения», «бездействии», «добру», «злу», «борьбы», «властию», «рабы». Они придают элегическому зачину («печально я гляжу на наше поколенье!») характер философского размышления. На этом фоне интонационно выразительно звучат слова ораторского стиля, резкие оценочные эпитеты — «постыдно», «позорно», «презренные». Они подготавливают высокую романтическую ноту, усиливающую эмоционально мысль поэта:

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,

Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Последние строки уже предвещают мрачный исход.

Во второй части заметна новая лексическая струя и связанная с ней новая интонационная окраска стиха. Слова ораторского стиля отсутствуют. Выразительный эффект достигается тонкой игрой «поэтизмов» и «прозаизмов» («мечты поэзии», «создания искусства», «восторгом сладостным» — «не шевелят»; «чувства» — «остаток»; «чаши наслаждения» — «касались»), которая поддержана употреблением контрастных слов («ненавидим» — «любим», «ни злобе» — «ни любви», «холод» — «огонь», «скучны» — «забавы», «забавы» — «разврат», «добросовестный» — «разврат», «спешим» «назад», «к гробу» — «насмешливо», «царствует», то есть величаво-спокойно господствует, — «кипит»). Высокая романтическая нота первой части сменяется скорбным реквиемом. Ореол романтики («и час их красоты — его паденья час!») последовательно снят. Судьба поколения не содержит ни грамма высокой романтики. Поколение способно лишь на сатанинскую насмешку над самим собой. Но и этого мало. В последней части вновь появляются слова ораторского стиля в сочетании с лексикой, носящей философский оттенок («ни мысли плодovitой», «ни гением начатого труда», «судья», «гражданина», «потомок», «оскорбит», «презрительным»). Здесь уже совершенно нет былой элегичности. Вместо нее — бытовая, обыденный план («насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом»). Чем дальше развенчивается поколение, тем прозаичнее стиль. Всякий ореол романтической идеализации исчезает, и вместо него естественно возникает сравнение с заурядной бытовой мелодрамой. Лермонтовское сравнение обнажает и правду о поколении, ум и чувства которого лишены большого общественного содержания. Но как раз в этом и заключена подлинная общественная трагедия поколения.

Заключительный аккорд лермонтовского реквиема выражает и степень моральной опустошенности поколения, и высоту лермонтовских общественных критериев, и глубину поэтического обобщения.

Сочетание в «Думе» различных стилистических пластов, смена интонации заставляют говорить о жанровом своеобразии стихотворения. Перед нами предстала не традиционная элегия, для которой характерно единство стиля и интонации, не философская элегия, не гражданская ода, а лирический жанр, совмещающий признаки различных жанров романтической лирики и тем самым разрушающий незыблемую жанровую целостность. Содержание стихотворения не вмещается в границы определенного жанра.

«Дума» Лермонтова представляет собой новую жанровую форму — лирический монолог, герой которого наделен конкретно-психологическими чертами, искренне взволнованный судьбой своего поколения. Раздумье в этом лирическом монологе сочетается с декламацией, разочарование и скорбь лирического героя — с едкой насмешкой и горькой иронией.

В стихотворении «Дума» нет ни стилистового, ни интонационного единства.

Стихотворение начинается восклицательной интонацией философских и социальных раздумий («Печально я гляжу на наше поколенье!»), которая затем сменяется ораторской с характерными повторами и сравнениями:

... И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

Афоризмы («и час их красоты — его паденья час!»), необычные словосочетания («неверием осмеянных страстей») служат повышению эмоционального строя монолога.

В этой части движение темы заключено между двумя восклицательными предложениями. В первом предложении («печально я гляжу на наше поколенье!») чувствуются ноты скорбного раздумья, а во втором («и час их красоты — его паденья час!») слышится суровое обвинение и грозное предупреждение. Движению темы соответствует и эмоци-

ональное нарастание, сказывающееся в обилии сравнений, экспрессивных эпитетов («позорно-малодушны», «презренные рабы», «постыдно-равнодушны»), антитез, в метафорическом употреблении слов («в начале поприща мы вянем без борьбы...»), в замене простых предложения сложными. Поэт рисует перед нами картину настоящего (во времени) положения современной Лермонтову молодежи. Временные отношения подчеркнуты формами глаголов («гляжу», «томит», «вянет», «иссушили», «касались», «не сберегли», «извлекли») и отсутствием связок сказуемых, что свойственно именно ораторской речи, в которой часто пропускается указание на настоящее время («его грядущее — иль пусто, иль темно...»), «перед опасностью позорно-малодушны и перед властью — презренные рабы», «и час их красоты — его паденья час!»).

Далее вскрываются причины душевного оскудения и бессилия молодого поколения. Ораторская интонация сменяется горьким раздумьем, облеченным в метафорическую форму. Ораторские обороты подчинены повествовательной интонации социальных раздумий, отражающих глубину переживаний лирического героя.

В третьей части совмещаются элегическое раздумье («мечты поэзии, создания искусства восторгом сладостным наш ум не шевелят»), сатирическое обличение («мы жадно бережем в груди остаток чувства — зарытый скупостью и бесполезный клад») и горькая ирония («и предков скучны нам роскошные забавы, их добросовестный, ребяческий разврат...»). Элегической интонации соответствуют образы и слова, освященные традицией элегической условности («мечты поэзии», «создания искусства», «сладостный восторг»), которые переплетаются с прозаическими оборотами, подчеркивающими отсутствие высоких идеалов («наш ум не шевелят», «остаток чувства»).

Третья часть лирического монолога делится как бы на две части, каждая из которых заканчивается обобщением. Первое обобщение имеет более абстрактный характер, но обладает большой обличительной силой благодаря типично ораторскому приему — антитезе и усечению строки («и царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови»; Второе обобщение отличается конкретностью и глубиной внутреннего анализа, психологической обоснованностью («и к гробу мы спешим без счастья и без славы, глядя насмешливо назад»), едкой иронией, поданной изнутри. Оно еще сильнее подчеркивает явную иронию, слышимую в предшествующих словах:

И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат...

Таким образом, элементы оды, сатиры и элегии, совмещаясь в одном лирическом комплексе, оказываются подчиненными индивидуально-конкретному и психологически обоснованному переживанию лирического героя.